

**К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ КОНСТРУКЦИЙ С ПРЕДЛОГОМ
И ПРИСТАВКОЙ БЕЗ-)***

Олеся Сурикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**ON THE PRAGMATIC CONDITIONALITY
OF FOLKLORE TEXTS: CONSTRUCTIONS
WITH THE PREPOSITION AND PREFIX БЕЗ-****

Olesya Surikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article completes a cycle of studies on the genre peculiarities of folklore texts at the lexico-grammatical and word-building levels. It demonstrates that being the smallest meaningful units of text (and for that reason seemingly unnoticeable), even morphemes and grammemes appear in a folklore text only when carrying out tasks conditioned by the basic pragmatics of the genre. The author illustrates this statement referring to the functioning of the prefix and preposition *без* in different genres of Russian folklore, i. e. sayings, proverbs, riddles, chastushkas, ritual lamentations, charms, spiritual poems, and bylinas. According to statistics, constructions with *без* are frequent in sayings, proverbs, riddles, charms, and lamentations. In bylinas, their occurrence is moderate, and they are almost never found in chastushkas or spiritual poems. The frequency of the prefix and preposition *без* in different texts depends on the pragmatic nature of the genre.

---

* Исследование выполнено за счет средств проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

** Citation: Surikova, O. (2018). On the Pragmatic Conditionality of Folklore Texts: Constructions with the Preposition and Prefix *без*-. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1202–1214. DOI 10.15826/qr.2018.4.355.

Цитирование: Surikova O. On the Pragmatic Conditionality of Folklore Texts: Constructions with the Preposition and Prefix *без*- // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1202–1214. DOI 10.15826/qr.2018.4.355 / Сурикова О. К вопросу о прагматической обусловленности фольклорного текста (на материале конструкций с предлогом и приставкой *без*-) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1202–1214. DOI 10.15826/qr.2018.4.355.

Proverbs, love charms, and lamentations use negations with *без* to indicate an unbreakable bond (X does not exist without Y), while riddles and healing spells use it to indicate the alienability of what cannot be alienated (Y exists without X, though X is indispensable). In medical and protective spells, the main function of *без* is to magically eliminate evil forces. Lamentations, whose main feature is the idea of a loss or a lack of something, employ constructions with *без* to create a special projection of a world full of deprivation and hardships.

Keywords: Russian language; linguistic folklore studies; prefix *без-*; preposition *без*.

Статья является итогом цикла, посвященного жанровой специфике фольклорного текста на лексико-грамматическом и словообразовательном уровнях. В ней показано, что даже морфемы и граммы, будучи мельчайшими значимыми единицами текста (казалось бы, «незаметными»), возникают в фольклорном произведении при условии, что они выполняют задачи, обусловленные базовой прагматикой жанра. Это положение иллюстрируется на примере того, как функционируют приставка и предлог *без* в текстах разных жанров русского фольклора – пословицах и поговорках, загадках, частушках, обрядовых причитаниях, заговорах, духовных стихах и былинах. Статистика показывает, что в ряде жанров конструкции с *без* характеризуются высокой частотностью: это пословицы и поговорки, загадки, заговоры и причитания. В былинах они встречаются в умеренном количестве, а в частушках и духовных стихах практически отсутствуют. Причины активности предлога и приставки *без* в текстах, как и статистические показания, разнятся: они зависят от прагматического своеобразия жанра. Пословицы, любовные заговоры и плачи используют *без*-отрицание для утверждения нерасторжимости связи («без X нет Y»), загадки и лечебные заговоры – для указания на отчуждаемость неотчуждаемого («Y существует без X, хотя X является необходимым»). В лечебных заговорах и оберегах базовая функция *без* – магическое уничтожение злых сил. Причитаниям, для которых принципиально важной является идея лишения, отсутствия / недостачи чего-либо, конструкции с предлогом и приставкой *без* требуются для создания особой жанровой проекции мира, исполненной лишений и потерь.

Ключевые слова: русский язык; лингвофольклористика; прагматика фольклора; предлог *без*; приставка *без-*.

Настоящая статья является заключительной в цикле работ, посвященных прагматической обусловленности фольклорного текста на лексико-грамматическом и словообразовательном уровнях (см. предыдущие публикации цикла: [Сурикова, 2014; Сурикова, 2015; Сурикова, 2016; Сурикова, 2017]). Речь здесь пойдет о том, что языковые составляющие фольклорного произведения, даже мельчайшие, возникают в нем не произвольно, а в соответствии с базовой задачей текста. Она, в свою очередь, зависит от прагматической доминанты жанра, к которому этот текст принадлежит.

Существование жанровой специфики фольклора не подлежит сомнению и является для фольклористики и «китом», и общим местом. Жанровая уникальность на всех уровнях – от просодики до синтаксиса – изучается давно и продуктивно. Однако, говоря о жанровой уникальности, а соответственно, о неслучайности возникновения в произведениях народной поэзии тех или иных элементов текста, исследователи редко обращаются к единицам лексико-словообразовательного и грамматического уровней, поскольку их роль в создании концептуально-художественной ткани текста неочевидна (в качестве примеров подобных работ можно назвать [Андреева-Васина; Климас; Свешникова]). Тем интереснее факт, что единицы этих уровней тоже участвуют в создании жанровой специфики фольклора, а точнее, во многом ею определяются. Мельчайшие значимые элементы текста – морфемы и граммы, часто служащие для спайки более крупных составляющих фольклорного высказывания, – возникают в нем, как правило, не произвольно, но «по востребованию» – подчиняясь «запросу» жанра.

Продемонстрировать эту прагматическую обусловленность можно, изучив функционирование одной и той же морфемы и граммы в разных фольклорных жанрах – причем в тех, которые содержат устойчивые и «заданные» текстовые связи. Благоприятными объектами для такого рода анализа, выполненного на материале русского фольклора, видятся предлог и приставка *без*: это исконные и высокочастотные в системе русского языка единицы, не связанные дискурсивными ограничениями; кроме того, *без* – именная морфема и грамма, обладающая четким основным значением отсутствия, недостачи, и эта базовая семантика в подавляющем большинстве случаев сохраняется и не варьирует в контекстном окружении.

Изучение произведений народного творчества – пословиц и поговорок, загадок, частушек, обрядовых причитаний, заговоров, духовных стихов и былин¹ – показало, что в текстах одних жанров лексемы и конструкции с *без* встречаются в изобилии, в других – в умеренном количестве, в третьих – практически отсутствуют. Так, редки случаи использования предлога и приставки *без* в частушках и в духовных стихах. В языке быliny *без*-конструкции ведут себя активнее, но тоже встречаются нечасто: в каждом тексте (весьма объемном) в среднем один раз (мы выявили 376 случаев употребления *без* в 303 текстах). Зато в пословицах и поговорках, загадках, заговорах и обрядовых причитаниях все обстоит ровно наоборот: слова и конструкции с *без*

---

¹ Пословицы, поговорки и загадки исследовались на основании сборников [Даль ПРН; Снегирев; Садовников; Митрофанова] и сборников, отражающих некоторые локальные паремиологические традиции [РНЗПК]. Заговоры изучались по сборникам [Майков; Мансикка; Аникин; Ефименко]; письменная заговорная традиция – по изданиям [ОЧ; РЗРИ], частушки – по [ЧЗСВ]; духовные стихи – по [ГК]; быliny – по [Гильфердинг]. Корпус причитаний извлечен из сборников [Барсов, т. 1–2, т. 3; Ефименкова].

обладают здесь высокой частотностью и играют функциональную роль в организации текстового пространства. Рассмотрим причины такой активности для каждого из названных жанров.

В **пословицах, поговорках и загадках** приставка и предлог *без* появляются чаще всего как средство обозначения аномалии (подробно об этом см.: [Сурикова, 2015]). Пословицы и поговорки – жанр дидактический; его иллокутивная доминанта заключается в корректировке действий человека. Задача пословицы – указать принятую традицией модель поведения, и осуществляется это через противопоставление нормы и аномалии. Пословичное утверждение того, что неверно, ошибочно или глупо, нуждается в разнообразных средствах обозначения ненормального, в том числе в словах и конструкциях с приставкой и предлогом *без* – они называют отсутствие кого или чего-либо, а отсутствие часто является знаком ущербности, «незаконченности», деформированности.

Существует обширный корпус пословиц и поговорок, реализующих структурную схему «без X нет Y» (по меньшей мере 800 текстов; для сравнения: сборник В. И. Даля, послуживший основным источником материала, в целом содержит порядка 30 тыс. паремий), ср., например: *Без костей и рыбки не бывает* [Даль, т. 1, с. 56]; *Дерево без листа, что тело без хвоста* [Снегирев, с. 396]; *Без дела жить – только небо коптить* [Даль, т. 1, с. 650] и пр. При этом часто место X занимает обозначение некоторого элемента, место Y – название действия, которое без этого элемента не может состояться (*Без хлеба не работать, без вина не плясать* [Даль, т. 2, с. 412]; *Без бороды и в рай не пустят* [Даль, т. 1, с. 16]); X – название инструмента, Y – указание на недееспособного без X деятеля (субъекта) или действие, которое не может произойти (*Портной без кафтана, сапожник без сапогов, а плотник без дверей* [Там же, с. 681]; *Без косы и сена не накосишь* [Там же, с. 677]); X – обозначение деятеля, Y – название действия, которое без него не может совершиться (*Без матери младенца не утешишь, без мастера аксамита не уложишь* [Снегирев, с. 47]; *Секира без секущего не сечет* [Там же, с. 416]) и т. д. Вариации схемы «без X нет Y» разнообразны, но наиболее распространенным следует признать тип пословиц, где на месте X находится обозначение части, а на месте Y – название целого: *Голова без ума, что фонарь без свечи* [Там же, с. 82]; *Без перевясла и веник рассыпался* [Даль, т. 1, с. 292]; *Без вымени овца – баран* [Даль, т. 2, с. 253]; *Русская рубаха без цветных ластовок не живет* [Там же, с. 226] и мн. др.

Жанр **загадки** имеет игровую природу, конструирует мир, подчиняющийся законам алогизма. Иллокутивная доминанта загадки (как текста по природе своей диалогического, предполагающего взаимодействие загадывающего и отгадчика) – угадывание реципиентом фрагментов реального мира, объективно оценивающихся как норма и зашифрованных с помощью метафоры, которая являет собой абсурд, алогизм и аномалию. Загадка, таким образом, есть описание

некой аномалии, за которой при умении провести аналогию (или конвенциональном знании аналогии) открывается норма. В построении метафоры (описания аномалии) нередко участвуют конструкции с предлогом и приставкой *без*: существует не менее 350 энигматических текстов (без учета вариантов), которые предлагают отгадать денотат по необладанию неотчуждаемым или необходимым свойством и реализуют структурную схему «Y существует без X (хотя X является необходимым)». Ср.: *Без ног бежит* <река> [РНЗПК, с. 33]; *Без мяса, без костей подымается* <квашня и тесто> [Митрофанова, с. 126]; *Дедушка мост мостит без топора и без ножа* <мороз> [Садовников, № 2074г] и др.

Поиск разгадки – угадывание скрытого денотата загадки через его заместителя или через описание свойств самого денотата – требует надежных оснований метафорического переноса. Иными словами, метафорически связанные исходная (скрытый денотат) и преобразованная (представление денотата в загадке) ситуации стремятся к простоте, поэтому важное условие для успешного разгадывания загадки – наглядность эксплицируемых признаков скрытого денотата. В соответствии с этим условием к построению метафоры в загадках привлекаются, как правило, конкретные инструментальные образные элементы, которые находятся в «ближнем круге» внимания пользователя текстов. Так, в текстах, строящихся в рамках структурной схемы «Y существует без X (хотя X является необходимым)», на месте X часто располагаются названия частей тела (*Без рук на стену лезет* <щетка> [Митрофанова, с. 157]), растений (*Что растет без корней?* <камень> [Садовников, № 1575]), хозяйственного инвентаря (*Пришли мужики без пил, без топоров, срубили избу без углов* <муравьи> [РНЗПК, с. 82]), одежды и обуви (*У кого одна нога, да и та без башмака?* <гриб> [Митрофанова, с. 69]) и под. Значимое свойство таких образных элементов (как и в пословицах) – легкое встраивание в систему отношений «часть – целое», ср. показательный пример: *Летит пархан, без рук кафтан, без рукавиц, без ног сапоги* <свекла> [Там же, с. 88].

Основная целеустановка **заговора** – магическое воздействие. Специфика заговорного слова заключается в его перформативности (понимаемой в широком смысле – как наличие у слова воздействующей силы). Практически каждый элемент заговорного текста как целого имеет воздействующий характер, и конструкции с предлогом и приставкой *без*, употребляющиеся в заговорах, не исключение. В привлеченных источниках мы обнаружили порядка 250 текстов, в которых слова и сочетания с *без* играют роль в конструировании магического смысла, однако стоит отметить, что функции предлога и приставки *без* разнятся в зависимости от функционального типа заговора, в котором они встречаются. Так, главная задача присушек (любовных, скотоводческих, охотничьих, на любовь и почет, на начальство и судей) – утверждение нерасторжимости связи (любвонной, скота и хозяина, животного и охотника и пр.). Для того чтобы обозначить отношения

неотчуждаемости, в таких текстах могут возникать формулы, построенные на основании логической схемы «как Y не может без X, так бы и ты без меня не мог» (ср. схожую схему «без X нет Y», которая используется в пословицах и поговорках с целью проиллюстрировать аномалию). Смысл этих формул заключается в том, что объект заговаривания не должен жить, есть, спать без протагониста так же, как некий Y не может существовать без некого X.

В текстах говорится о человеке и животных, лишенных частей тела и органов (*Как не может жить без белого тела, без ретивого сердца, без семьдесят семь жил, без семьдесят семь суставов, без правой руки, без правой ноги, не может ни жити, ни быти, так и без меня, рабы Божьей...* [Аникин, № 655]); о человеке без еды и одежды (*Червь не может жить без земли, рыба – без воды, человек – без хлеба, без соли, без платья, без креста. Так же бы и ты, раб Божий, не мог бы жить без меня, рабы Божьей...* [Там же, № 693]). Возникают отсылки к отношениям родства – в заговорах фигурируют младенец без матери, муж без жены (*Как красно солнышко не может жить без лучей, а малый младенец – без грудного молока, а рыба – без воды, а муж – без жены, а (имя) – без (имя)... так не мог быть (имя) без (имя) рабы...* [Там же, № 692]). Упоминается типичная «среда обитания» – червь без земли (*Как этот червь не может быть без земли, так раб Божий Никодрим не может быть без рабы Божьей Пелагеи* [Там же, № 694]), птица без леса (*Как не может быть птица без лесу, так не мог бы жить раб Божий без рабицы Божией* [ЖС 1907, с. 32]). В качестве иллюстрации идеи нерасторжимой связи появляются образы природных (атмосферных) явлений – солнца без лучей и без зари (*Как без утренней зари солнце не всходит, без вечерней – не вечеряет, так бы раб Божий без меня не мог ни жить, ни быть...* [Аникин, № 713]), земли без дождя (*Как мать-сыра земля не может жить без дождя, сохнет и щелится, так и раб Божий Иван не мог жить без рабы Божьей Татьяны, сох и щелился* [Там же, № 796]) и т. д. Однако самой распространенной формулой, обозначающей отношения неотчуждаемости, является сочетание *рыба без воды*: *Рыба не можот жить без воды, так бы раб не мог жыть без рабы* [Мансикка, № 158].

В заговорах, направленных на противостояние злу (лечебных, оберегах), базовой функцией без становится функция магического уничтожения злых сил, которая реализуется с помощью ряда стратегий. Одна из этих стратегий – обезвреживание недуга через отрицание его опасных свойств – воплощается с помощью алогизма, который строится на основании энигматической логической схемы «Y существует без X (хотя X является необходимым)». Это характерно для лечебных заговоров, включающих формулу «Полетел без крыл, сел без ног»: *Летел бескрылый, сел безногий, клюнул безносый, весь жар унес* [Аникин, № 1701]; *Без крыльев прилетел, без места посидел, без зуба укусил* [Там же, № 1891] и т. д. Подобные тексты повествуют, как некоторое существо выполняет действия,

не имея необходимых для этого частей тела; «увечность» этого существа символизирует безвредность болезни для человека (подробней см.: [Агапкина, с. 184–189]).

Стратегия отрицания злых сил, когда «отрицание этих сил понимается как их уничтожение или устранение» [Толстая, с. 242], может реализовываться и без привлечения алогизма, как, например, в следующих случаях: *Как Пресвятая Богородица Христа родила без мук, без болей, так бы и рабе Божьей (имя) родить без муки, без боли* [Аникин, № 17]; *...запеки ту рану у раба Божия (имя рек), в три дни ж в три часы, ни боли, ни сверби, без крови, без раны, во веки, аминь* [Майков, № 168].

Другая стратегия, воплощаемая без-конструкциями в рамках выполнения ими функции магического уничтожения злых сил, – проклятье, направленное на противника и возникающее в заговорах в соответствии с представлениями, будто «магия злоречений способна нейтрализовать, обезвредить или даже уничтожить опасность» [Виноградова, с. 440]. Сочетания с предлогом и приставкой без вкупе с глаголом, который они характеризуют, образуют ядро заговорных формул проклятья: комплекс «глагол + без-конструкция» представляет собой формулировку того, что должно произойти с врагом protagonista. Ср. примеры: *Как сей мертвец имярек умер без покаян(в)я, так и ты умри без пок(аянья)* [РЗРИ, с. 93]; *...будь ты черной ворон с воронихой и ястреб с ястребихой слеп и темен без ясных очей и без станových костей, не увидеться бы тебе черному ворону с воронихой...* [Ефименко, с. 182].

К проклятью близка стратегия инвективы – негативно-бранной характеристики объекта заговора: *Иссохни, исчерни, нечистая сила, бездушная тварь. Как сучок иссохнет, так и ты, нечистая сила, бездушная тварь, иссохни* [ЮК, с. 24]; *Ты, змея скорпея, беззаконная тварь, почему чрез Христовы заповеди ступаешь?* [Майков, № 189].

Итак, прагматический «запрос» заговора на предлог и приставку без связан с теми базовыми функциями, которые они как выразители идеи отсутствия и вообще отрицания способны выполнять. Это функция магического уничтожения злых сил, когда без-отрицание становится носителем максимального негативного «заряда», и утверждение нерасторжимости связи объектов, когда без, как и в паремиях, иллюстрирует аномалию (подробней о без-конструкциях в языке заговора см.: [Сурикова, 2014; Сурикова, 2017]). Наконец, особенно значимы без-конструкции для обрядовых **причитаний** (в первую очередь похоронно-поминальных и рекрутских). Семантико-прагматическая доминанта плачей – «лишительность» – идея лишения, отсутствия / недостачи чего-либо, которая имеет концептуальную значимость для жанра, формирует мотивную структуру текста и выражается лексико-семантическими средствами. «Лишительность» лежит в основе центральной причетной оппозиции – противопоставления идиллического прошлого, которое характеризуется социальной,

материальной, онтологической полнотой и упорядоченностью, трагическому будущему, связанному с потерей и утратой (члена семьи в похоронных причитаниях, мужчины-кормильца в рекрутских плачах). На собственно текстовом уровне лишительность воплощается в многочисленных описаниях и перечислениях социальных, имущественных и психологических потерь лиминальных субъектов (вдовы, сироты, рекрута), ср. типичный контекст: *И как ты сойдешь-то во службу государеву. <...> / И ты потыченья, победной, наувидишься, / И ты поушенья, несчастной, напримаешься, / И тут избита-то несчастна будет спинушка, / Всё подбиты будут ясны твои очушки, / Исколочена несчастна буде голова, / Как подсвечены ведь резвы будут ноженьки, / И придосажено ретливое сердечушко, / И приобижена несчастная утробушка...* [Барсов, т. 2, с. 36].

Значимая концептуально и эксплицируемая в ряде основных тем и мотивов, идея лишительности требует особых языковых средств выражения. Наиболее продуктивный из них – словообразовательные каритивы – слова и конструкции с приставкой и предлогом *без*, «выражающие значение недостачи, нехватки, отсутствия чего-либо» [Толстая, с. 50]. В севернорусских причитаниях ониобладают высокой частотностью (в исследованном корпусе текстов нам удалось обнаружить 1260 лексем и предложно-падежных конструкций, содержащих *без*, из них больше половины случаев – 674 – принадлежит словам *бесчастный* и *бессчастье*) и называют отсутствие 153 разных объектов и явлений (подробно см.: [Сурикова, 2016]).

К наиболее существенным для плачей концептуальным линиям, которые оязыковляются с помощью сочетаний с *без*, относятся следующие:

– сиротство, отсутствие членов семьи (*Не красны слывут дочери безматерни / Не славны сыновья живут безотниш...* [Барсов, т. 1, с. 171]; *Што возростим мы сердечных твоих детушек, / Воспитать тебя мы будем мать безмужнюю...* [Там же, с. 22] и др.);

– отсутствие дома, приюта (*Как ходить часто по тихим беседам / Бездомовым дочерям да не приходится...* [Там же, с. 132]; *Ой, я живу-то ноне, горькая, / Ой, да одна-одинешенька, / Ой, как кокушечка серая, / Ой, серая да безгнезда!* [Ефименкова, с. 100] и др.);

– отсутствие нравственной, социальной регуляции поведения (*Да ты слушай же, несчастная суседушка, / Хоть головушка твоя да безначальная*²... [Барсов, т. 1, с. 10]; *И будут детушки сиротны-самовольны, / И все солдацкии оны да безунёмны*³... [Барсов, т. 2, с. 96]; *Ой, остались сиротинушки, / Ой, да без родимой-то мамушки, / Ой, да без приюта великого, / Ой, да без надзора хорошего!* [Ефименкова, с. 103] и др.).

² Ср. лит. безначáлие – ‘отсутствие власти, руководства; анархия, беспорядок, произвол’ [ССРЛЯ, т. 1, с. 352].

³ Ср. олон. безуненный – ‘шаловливый’ [СРНГ, т. 2, с. 202].

Часто без-конструкции являются негативными характеристиками человека: *И как **безумны** эти девушки молоды...* [Барсов, т. 2, с. 226]; *Нонько годушки пошли да все бедовыи, / Как **бессовестный** народ пошел мудреной...* [Барсов, т. 1, с. 38]; *И принаступят што ведь судьи неправосудныи, / И нападут да на нас власти **безмилосердыи**...* [Барсов, т. 2, с. 149] и пр. Кроме того, без в причети участвует в построении фрагментов текста, репрезентирующих логическую схему, знакомую нам по жанру загадок, – «У существует без X (хотя X является необходимым)». Подобные синтагмы описывают моральное и физическое страдание, метафорически представленное в виде деструкции (*Не радио, дочь обидная, / Я не другу ведь, не недругу / Жить во раннем сиротаньнице: / **Без морозу сердце вызябло, / Без дождя личко повымокло**...* [Барсов, т. 1, с. 55]), или иллюстрируют невозможность существования части без целого, нерасторжимость связи (ср. то же в заговорах): *Не дай свет да Богородица / **Жить церкви без священника, / Часовни жить без старосты, / Деревни без десятника, / Стоять дому без хозяина, / Угоды без крестьянина**...* [Там же].

* * *

Подведем итоги. Наблюдения над функционированием слов и конструкций с предлогом и приставкой *без* в текстах разных фольклорных жанров позволяют говорить о существовании жесткого отбора языковых средств при создании фольклорного произведения даже на лексико-словообразовательном и грамматическом уровнях. Языковые единицы – вплоть до морфем и грамем – возникают в фольклорном тексте при условии, что они способны выполнять задачи, обусловленные базовой прагматикой жанра. Главным критерием отбора при этом является системно-языковая семантика. Попадая в «жанровый контекст» и подчиняясь центральному жанровому «заданию», носители этой семантики начинают выполнять более частные функции.

Представим схематически направление языкового отбора (на примере заговоров, направленных на противостояние злу, на пример лечебных):

общая интенция функционального типа заговора (противостояние злу) → базовая функция текста (уничтожение зла) → потребность в языковых единицах, которые способны оптимально воплощать эту функцию, эксплицитировать идею неприятия, отторжения зла, противостояния ему → потребность в носителях негативной семантики → появление в текстах приставки и предлога *без* → выполнение без-конструкциями ряда стратегий (отрицание зла, проклятье и пр.).

Подобным образом присушки, пословицы и плачи востребуют без-отрицание для утверждения нерасторжимости связи, загадки и некоторые лечебные заговоры – для указания на отчуждаемость не-

отчуждаемого; причитаниям конструкции с предлогом и приставкой без нужны для создания особой картины мира, полной лишений и потерь. В конечном счете все эти «жанровые проекции» без-отрицания сводятся к представлению с его помощью аномалии. Анализ текстовых экспликаций структурных схем «без X нет Y» и «Y существует без X (хотя X является необходимым)», обнаруженных во всех исследованных жанрах, позволяет сформулировать основной когнитивный механизм аномалии. Ее, как правило, иллюстрируют указания на целое без части, ситуацию без значимого компонента, а также нерасторжимую и тем не менее расторгнутую связь. Таким образом, анализируя бытование лексико-грамматических элементов в фольклорных текстах и выявляя их наиболее значимые текстовые функции, можно лучше понять прагматический потенциал языковых единиц, не всегда «выводимый» из системных сведений.

Список литературы

- Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М. : Индрик, 2010. 824 с.
- Андреева-Васина Н. И. Вторичная приставка *при-* в русских народных говорах и в произведениях устного народного творчества // Диалектная лексика. 1969 / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л. : Наука, 1971. С. 152–160.
- Аникин – Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. М. : Изд-во МГУ, 1998. 480 с.
- Барсов 1–2 – Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. М. : Общество любителей российской словесности, 1872. XXXI + 327 + XXXIII + LVI + 335 с.
- Барсов 3 – Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 3. Плачи свадебные, гостибные, баенные и предвенечные // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1885. № 3. С. 1–160; № 4. С. 161–156.
- Виноградова Л. Н. Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст : Генезис и структура / отв. ред. Т. Н. Свешникова. М. : Индрик, 2005. С. 425–440.
- Гильфердинг – Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1873. 719 с.
- ГК – Голубиная книга : Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / сост., вступ. ст., прим. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М. : Моск. рабочий, 1991. 352 с.
- Даль ПРН – Пословицы русского народа / сб. В. Даля : в 2 ч. СПб. ; М. : Тип. М. О. Вольфа, 1879. 756 + 660 с.
- Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. Императ. общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императ. Моск. ун-те. Т. 30. Кн. 5. Вып. 2. Народная словесность. М. : Типолит. С. П. Архипова и Ко, 1878. 276 с.
- Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М. : Совет. композитор, 1980. 392 с.
- ЖС 1907 – Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. // Живая старина : период. изд. отд. этнографии Императ. Рус. географ. о-ва. 1907. Вып 1. № 8.
- Климас И. С. Слова с префиксом *раз-/рас-* в вологодских фольклорных песнях // Вологодский текст в русской культуре : сб. ст. по материалам конф. / редкол. Е. Н. Ильина, С. Ю. Баранов, С. Х. Головкина. Вологда : Легия, 2015. С. 58–64.

Майков – Великорусские заклинания / сб. Л. Н. Майкова. СПб. : Тип. Майкова, 1869. 164 с.

Мансика В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // *Sborník filologický* (III. Trída České akademie věd a umění). Praha : Česká Akademie Věd a Umění, 1926. Sv. 8. Č. 1. S. 185–233.

Митрофанова В. В. Загадки. Л. : Наука, 1968. 255 с.

ОЧ – Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002. 584 с.

ПерЗ – Переславское Залесье : Фольклорно-этнографическое собрание С. Е. Елховского / отв. ред. С. С. Савоскул. М. : Индрик, 2011. Вып. 1. 456 с.

РЗРИ – Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2010. 829 с.

РНЗПК – Русские народные загадки Пермского края : сб. фольклор. текстов с коммент. и истолкованиями / сост. И. А. Подюков, А. В. Черных. СПб. : Маматов, 2012. 256 с.

Садовников – Загадки русского народа : сб. загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Н. Садовников. М. : Терра, 1996. 336 с.

Свешинова Н. В. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в русских былинах // Актуальные проблемы лексикологии и стилистики : сб. ст. / отв. ред. Л. И. Баранникова. Саратов : Изд-во СГУ, 1993. С. 37–41.

Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М. : Индрик, 1999. 624 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под. ред. В. И. Чернышова, С. Г. Бархударова, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.

Сурикова О. Д. Аномалия как отрицаемая ценность (на материале паремий с предлогом и приставкой *без*) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2015. С. 387–402.

Сурикова О. Д. К изучению языкового мира русских причитаний: категория «лишительности» и ее воплощение в тексте // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 287–298.

Сурикова О. Д. О функциях лексических единиц в русском заговорном тексте (на примере конструкций с предлогом и приставкой *без*) // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 157–164.

Сурикова О. Д. Семантика и функционирование *без*-конструкций в языке русского заговора // III Всероссийский конгресс фольклористов. Т. 1. Актуальные проблемы российской фольклористики : сб. науч. ст. / сост. В. Е. Добровольская и др. М. : Роскультпроект, 2017. С. 192–204.

Толстая С. М. Пространство слова : Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М. : Индрик, 2008. 527 с.

ЧЗСВ – Частушки в записях советского времени / отв. ред. Б. Н. Путилов. М. ; Л. : Наука, 1965. 496 с.

ЮК – Бахматов А. А., Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В. Юрлинский край : Традиционная культура русских Юрлинского района в XIX–XX вв. : материалы и исслед. Кудымкар : Коми-Пермяцк. книж. изд-во, 2003. 493 с.

References

Agapkina, T. A. (2010). *Vostochnoslavyanskije lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Syuzhetika i obraz mira* [East Slavic Healing Spells in a Comparative Light: Plot Structure and Image of the World]. Moscow, Indrik. 824 p.

Andreeva-Vasina, N. I. (1971). *Vtorichnaya pristavka pri- v russkikh narodnykh govorakh i v proizvedeniyakh ustnogo narodnogo tvorчества* [Secondary Prefix *npu-* in Rus-

sian Dialects and Works of Oral Folklore]. In Filin, F. P., Sorokoletov, F. P. (Eds.). *Dialekt-naya leksika*. 1969. Leningrad, Nauka, pp. 152–160.

Anikin, V. P. (Ed.). (1998). *Russkie zagovory i zaklinaniya. Materialy fol'klornykh ekspeditsii 1953–1993 gg.* [Russian Spells and Incantations. Materials of Folklore Expeditions 1953–1993]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 480 p.

Bakhmatov, A. A., Podyukov, I. A., Chernykh, A. V., Khorobrykh, S. V. (2003). *Yurlinskii krai. Traditsionnaya kul'tura russkikh Yurlinskogo raiona v XIX–XX vv. Materialy i issledovaniya* [Yurlinsky Krai. The Traditional Culture of the Russians in Yurlinsky District in the 19th–20th Centuries. Materials and Studies]. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 493 p.

Barsov, E. V. (Ed.). (1872). *Prichitan'ya Severnogo kraya, sobrannye E. V. Barsovy* v 2 t. [Lamentations of the Northern Region Collected by E. V. Barsov. 2 Vols.]. Moscow, Obshchestvo lyubitelei rossiiskoi slovesnosti. XXXI + 327 + XXXIII + LVI + 335 p.

Barsov, E. V. (Ed.). (1885a). *Prichitaniya Severnogo kraya, sobrannye E. V. Barsovy*. [Lamentations of the Northern Region Collected by E. V. Barsov]. Vol. 3. *Plachi svadebnye, gostibnye, baennye i predvenechnye*. In *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. No. 3, pp. 1–160. No. 4, pp. 161–256.

Chernyshov, V. I., Barkhudarov, S. G., Vinogradov, V. V., Filin, F. P. (Eds.). (1948–1965). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* [Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language. 17 Vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka.

Dahl, V. I. (Ed.). (1879). *Poslovitsy russkogo naroda v 2 ch.* [Russian Folk Proverbs. 2 Parts]. St Petersburg, Moscow, Tipografiya M. O. Vol'fa. 756 + 660 p.

Efimenko, P. S. (Ed.). (1878). *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoi gubernii* [Materials on the Ethnography of the Russian Population of Arkhangelsk Province]. In *Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Imperatorskom Moskovskom universitete* [News of the Imperial Society of Admirers of Natural Science, Anthropology, and Ethnography at Imperial Moscow University]. Vol. 30. Book 5. Iss. 2. *Narodnaya slovesnost'*. Moscow, Tipo-litografiya S. P. Arkhipova i Ko. 276 p.

Efimenkova, B. B. (Ed.). (1980). *Severnorusskaya prichet'. Mezhdurech'e Sukhony i Yuga i verkhov'ya Kokshengi (Vologodskaya oblast')* [Northern Russian Lamentation. The Interfluvium of the Sukhona and the Yug Rivers and the Upper Course of the Kokshenga (Vologodsk Oblast)]. Moscow, Sovetskii kompozitor. 392 p.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Moscow, Leningrad, St Petersburg, Nauka. Iss. 1–.

Hilferding, A. F. (Ed.). (1873). *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Onega Bylinas Recorded by Aleksandr Fedorovich Hilferding in the Summer of 1871]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. 719 p.

Klimas, I. S. (2015). *Slova s prefiksom raz-/ras- v vologodskikh fol'klornykh pesnyakh* [Words with the Prefix *paz-/pac-* in Vologda Folk Songs]. In Il'ina, E. N., Baranov, S. Yu., Golovkina, S. Kh. (Eds.). *Vologodskii tekst v russkoi kul'ture*. Vologda, Legiya, pp. 58–64.

Maikov, L. N. (Ed.). (1869). *Velikorusskie zaklinaniya* [Great Russian Incantations]. St Petersburg, Tipografiya Maikova. 164 p.

Mansikka, V. (Ed.). (1926). *Zagovory Pudozhskogo uezda Olonetskoj gubernii* [Spells of Pudozhsky Uyezd of Olonetsky Province]. In *Sbornik filologický*. (III. Trída České akademie věd a umění). Praha, Česká Akademie Věd a Umění. Sv. 8. Č. 1, s. 185–233.

Mitrofanova, V. V. (Ed.). (1968). *Zagadki* [Riddles]. Leningrad, Nauka. 255 p.

Podyukov, I. A., Chernykh, A. V. (Eds.). (2012). *Russkie narodnye zagadki Permskogo kraya: sbornik fol'klornykh tekstov s kommentariyami i istolkovaniyami* [Russian Folk Riddles of Perm Krai: A Collection of Folk Texts with Comments and Interpretations]. St Petersburg, Mamatov. 256 p.

Putilov, B. N. (Ed.). (1965). *Chastushki v zapisyakh sovetskogo vremeni* [Chastushkas in the Records of the Soviet Period]. Moscow, Leningrad, Nauka. 496 p.

Sadovnikov, D. N. (Ed.). (1996). *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, vopros-ov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian People: A Collection of Riddles, Questions, Parables, and Problems]. Moscow, Terra. 336 p.

Savoskul, S. S. (Ed.). (2011). *Pereslavskoe Zales'e. Fol'klorno-etnograficheskoe sobranie S. E. Elkhovskogo* [Pereslavskoe Zalesye. A Folk-Ethnographic Collection by S. E. Elkhovsky]. Moscow, Indrik. Iss. 1. 456 p.

Snegirev, I. M. (Ed.). (1999). *Russkie narodnye poslovitsy i pritchi* [Russian Folk Proverbs and Parables]. Moscow, Indrik. 624 p.

Soloshchenko, L. F., Prokoshina, Yu. S. (Eds.). (1991). *Golubinaya kniga: Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vv.* [A Verse about the Book of the Dove: Russian Folk Spiritual Poems of the 11th–19th Centuries]. Moscow, Moskovskii rabochii. 352 p.

Surikova, O. D. (2016). K izucheniyu yazykovogo mira russkikh prichitanii: kategoriya “ishitel’nosti” i ee voploshchenie v tekste [On Studying the Linguistic World of Russian Lamentations: The “Deprivation” Category and Its Textual Implementation]. In *Antropologicheskii forum*. No. 28, pp. 287–298.

Surikova, O. D. (2014). O funktsiyakh leksicheskikh edinit v russkom zagovornom tekste (na primere konstruksii s predlogom i pristavkoi bez) [On the Functions of Lexemes in Russian Charms (a Case Study of Constructions with the Preposition and Prefix *bez*)]. In *Traditsionnaya kul'tura*. No. 3, pp. 157–164.

Surikova, O. D. (2015). Anomaliya kak otritsaemaya tsennost' (na materiale paremii s predlogom i pristavkoi bez) [Abnormality as an Abjured Value (a Case Study of Proverbs with the Preposition and Prefix *bez*)]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Kategoriya otsenki i sistema tsennosti v yazyke i kul'ture*. Moscow, Indrik, pp. 387–402.

Surikova, O. D. (2017). Semantika i funktsionirovanie bez-konstruksii v yazyke russkogo zagovora [The Semantics and Functioning of Constructions with the Preposition and Prefix *bez* in Russian Charms]. In Dobrovol'skaya, V. E. et al. (Eds.). III Vserossiiskii kongress fol'kloristov. Vol. 1. Aktual'nye problemy rossiiskoi fol'kloristiki. Moscow, Roskul'tproekt, pp. 192–204.

Sveshnikova, N. V. (1993). Umen'shitel'no-laskatel'nye suffiksy v russkikh bylinakh [Diminutive Suffixes in Russian Bylinas]. In Barannikova, L. I. (Ed.). *Aktual'nye problemy leksikologii i stilistiki: sbornik statei*. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 37–41.

Tolstaya, S. M. (2008). *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavianskoi perspektive* [The Space of the Word. Lexical Semantics in the Common Slavic Perspective]. Moscow, Indrik. 527 p.

Toporkov, A. L. (Ed.). (2010). *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoi poloviny XIX v.* [Russian Spells from Manuscript Sources of the 17th–First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Indrik. 829 p.

Toporkov, A. L., Turilov, A. A. (Eds.). (2002). *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov* [Renunciation Reading in Russia in the 17th–18th Centuries]. Moscow, Indrik. 584 p.

Vinogradova, L. N. (2005). Formuly ugroz i proklyatii v slavyanskikh zagovorakh [Threat and Curse Formulas in Slavic Spells]. In Sveshnikova, T. N. (Ed.). *Zagovornyi tekst. Genezis i struktura* [Spell Texts. Genesis and Structure]. Moscow, Indrik, pp. 425–440.

Zagovory, oberegi, spasitel'nye molitvy i proch. [Spells, Charms, Prayers of Salvation, etc.]. (1907). In *Zhivaya starina: Periodicheskoe izdanie otdeleniya Etnografii Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Iss. 1. No. 8.

The article was submitted on 22.01.2018